

КОЛЛЕГИ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ПОДОЛЬСКОМ

«Ни заядлый скептик, ни самый опытный читатель хоррора не смогут избежать чар Подольского».

Максим Кабир, писатель

«Фантазией Александра Подольского нельзя не восхититься».

М. С. Парфенов, писатель

«Все, что мы так любим в русскоязычном хорроре, — это Подольский. Колоритные деревеньки, характерные персонажи, знакомые всем с детства локации и осязаемый ужас вокруг. Узнаваемое, родное, страшное».

Александр Матюхин, писатель

«Говорим: Подольский, подразумеваем: хоррор высшей пробы».

Дмитрий Костюкевич, писатель

«Ужас в историях Подольского — как холодная черная тряпина, готовая в любой момент поглотить расслабившегося читателя».

Анатолий Уманский, писатель

«Хоррор Подольского многолик и многообразен, он норовит залезть под кожу и остаться там даже после того, как перелистнешь последнюю страницу».

Елена Щетинина, писатель

День рождения Машеньки

Если бы той ночью кто-нибудь оказался на лесной полянке, он бы увидел очень странную картину. На траве под высокой березой сидела маленькая девочка. Две рыжие косички, легкое платьице, гольфы и сандалики. В таком виде хорошо гулять жарким летним днем, играть с подругами в куклы во дворе и бегать на речку бросать камушки. Но в ночном лесу нужна совсем другая одежда. Да и вообще ночной лес — не место для одиноких маленьких девочек.

Девочка едва дышала, в распахнутых глазах отражался лунный свет. Но самым странным было то, что в надутом животе девочки что-то ворочалось, будто устраивалось поудобнее. А изо рта ее свисал змеиный хвост.

Глеб сделал затяжку, но тут же закашлялся и передал косячок Михею. Пробормотал недовольно:

- Что это за отравка?
- Нормальная отравка. Закумаривает только в путь.
- Да ну на хер. Ты где ее взял?
- В надежном месте, не ссы. Если понравится, еще притащу.

Глеб допил минералку и швырнул бутылку в урну. Они с Михеем стояли в специально оборудованной

курилке позади заправочной станции. На дворе — второй час ночи, вокруг — колыхающееся море деревьев. Машин тут и днем было немного, а сейчас и подавно. Можно расслабиться. Главное, принять бензовоз утром, а на остальное плевать. Кому приспичит заправиться в их лесной глуши, сами шланг вставят, не маленькие. А уж без копеечных чаевых Глеб как-нибудь обойдется.

— На, дерни еще, — сказал Михай, возвращая другу косячок и доставая из рабочего комбинезона шоколадку, спертую из торгового зала. — Крутая штука, поверь специалисту. Просто распробовать надо.

Глеб фыркнул, но все же затянулся. И на этот раз пошло действительно получше.

— Надеюсь, от этой заразы на измену не пробьет? Я так-то подумывал еще к Маринке пристать, скучно ей там на кассе сидеть небось.

— Нашелся приставальщик. Иди вон к бабе Лиде лучше пристань, она тебе сразу взаимностью ответит. Ну или шваброй по хребтине даст.

Глеб прыснул и толкнул Михея в плечо. Тот тоже смеялся, но бесшумно — стараясь не подавиться шоколадкой. Его глаза в ярком свете фонаря были красными, как у вампира.

Вдруг со стороны леса раздался громкий треск — такой, будто разом повалило несколько деревьев. Глеб повернул голову на шум и увидел над кронами берез вдалеке огромное пятно.

— Херасе...

Землю трянуло, будто сдвинулись тектонические плиты. Пятно быстро приближалось, росло, обретало контуры, пока не заслонило собой лес. Над деревьями вился гигантский крысиный хвост, воздух распарывали когти-лезвия. Покрытое черной шкурой туловище венчала голова ящерицы, упирающаяся прямо в небо, прямо в чертовы звезды.

— Ты это видишь?

Чудовище стояло на двух громадных птичьих лапах. Иглы на его спине напоминали шпильки небоскребов, из пасти вылезал раздвоенный язык.

Михей выдавил из себя что-то неразборчивое, и исполинская тварь ворвалась на территорию заправки, сминая линию колонок, точно куличики в детской песочнице. Она не атаквала, а будто металась в панике, неуклюже ломая все, что встречала на пути. В лепешку превратилась пара оставленных здесь машин, лопнули закопанные в землю цистерны с бензином. По асфальту потекло топливо, запахло едким.

— Ты видишь? — повторил Глеб, не в силах отвести взгляд от чудовища, не в силах пошевелиться. Михей рядом превратился в такого же истукана.

Тварь снесла хвостом крышу магазинчика, попятилась к дороге, срывая высоковольтные провода. По асфальту скользнули искры, и бензиновая речушка вспыхнула, озаряя ночь ярким пламенем. Огонь перебросился на шкуру существа, оно заревело, упало на четвереньки и кинулось вперед. Прямо на двух заправщиков.

Перед тем как Глеба размазало по асфальту, он успел увидеть глаза. Человеческие глаза на морде ящерицы.

Девочку звали Машенька, и у нее был день рождения. Шестилетие дочурки родители решили отметить на природе и устроили шашлыки. Гостей пригласили немного: чтобы влезли в две машины. Машенькины друзья не влезли — а может, их и не собирались звать, — поэтому на празднике были только взрослые. Но Машенька не грустила, а

чувствовала себя по-настоящему счастливой: все ее поздравляли, играли с ней в бадминтон, дарили подарки в красивых коробочках, угощали конфетами, вкусным-вкусным мясом и газировкой. Только вот продлилось это счастье недолго.

— Па, смотри какие ягодки я нашла! — сказала Машенька, подбежав к раскладному столу, за которым сидели гости.

— Доча, давай потом. Видишь, папа занят.

Папа действительно был занят: он постоянно курил, наполнял стаканы и ходил к машине за новыми бутылками, которые охлаждались в пластиковом ведре с водой.

— Мам, давай в прятки сыграем! — предложила Машенька, и мама вроде бы согласилась, вручив имениннице большой бутерброд и пообещав, что вот-вот начнет считать. Но, слопав подсохшие на солнце хлеб с колбасой, выглянув на полянку из-за дерева и услышав смех гостей, Машенька поняла, что ее никто не ищет. Всем было весело и без нее.

Просидев в укрытии полчаса, Машенька вновь вышла к месту празднования. Села с краю стола, надув губы и всем своим видом показывая, как сильно обижена. Казалось, вот-вот родители спросят, где она пропадала, обнимут, нальют сока, предложат интересную игру... Но взрослые ее не замечали.

— Мам, мне скучно!

Мама вздохнула, нехотя повернула голову и сказала:

— Родная, ты ведь не маленькая уже, займи себя чем-нибудь, ну. Хочешь, на планшете поиграй, он в машине лежит.

— Не хочу я планшет! Я домой хочу!

— Так,— вмешался в разговор папа,— ну-ка, без истерик мне тут. А то по жопе получишь.

От обиды у Машеньки задрожали губы. В глазах защекотало.

— А я, а я тогда... в лес уйду! И умру! И больше меня не увидите!

Папа встал с бревна, которое использовали вместо скамейки, подошел к Машеньке и взял ее за ухо. Очень больно взял. После застолий папа часто делал больно, хватая всех медвежьими своими лапами и не рассчитывая силу.

— Я тебе что сказал?! Хватит капризничать, а то в машине закрою!

— Ну, пап...

— Цыц. Веди себя нормально, не позорь нас с мамой перед гостями. Понятно тебе?

Машенька быстро-быстро закивала, стряхивая слезы с длинных ресниц, и папа ее отпустил. Она постояла так еще пару минут, надеясь, что подойдет мама, пожалеет, заступится. Но мама только покачала головой и вернулась к разговору с тетей Светой. Тогда Машенька утерла нос и медленно зашагала в сторону леса.

Алексеич выбрался из палатки по нужде. Поежился и сразу накинул штормовку — в теплом спальнике было куда комфортнее. Поверхность реки серебрилась в лунном свете, от воды тянуло холодом. Журчание волн прибавляло желания сделать свои дела как можно скорее.

Помочившись на куст дикой малины, Алексеич подошел к берегу. Пригляделся: на месте ли сети? Он собирался проверить улов утром и двинуться ниже по реке. Может, хоть там рыба будет, а то такими темпами скоро придется использовать старый добрый динамит.

Над деревьями уже занимался рассвет, и Алексеич отметил для себя, что спать осталось всего ничего. А потом до него дошло, что солнце встает с другой стороны.

Источник света был живой — он пер сквозь лес, в небо от него поднимался черный дым. Огонь пожирал нечто огромное, жуткое.

Алексеич влетел в палатку и схватил ружье. Руки тряслись, не слушались. В ноздри бил запах горелого мяса. В палатку потекла вода, и ноги обожгло холодом — это река вышла из берегов.

Он вылез наружу и уставился на встающего из воды монстра. На кошмарную нелепую тварь, будто сшитую из разных зверей. Огня больше не было, чудовище распрямлялось во весь свой исполинский рост. Вонь паленой шкуры валила с ног.

Едва дыша, Алексеич поднял ружье и выстрелил — как придется, не целясь, ведь промахнуться было невозможно. Чудовище шагнуло к нему, и земля вздрогнула. Шкура на животе монстра разошлась, выпуская щупальца, будто кишки из вспоротого брюха. Змеящиеся отростки оплели Алексеича, сдавили, и он с ужасом понял, что это гигантские черви.

Ничего другого Алексеич понять не успел, потому что кольца сомкнулись, превратив его в кровавую кашу.

Конечно, Машенька не собиралась исполнять угрозу, просто хотела проучить родителей. Пусть поволнуются. Может, в следующий раз не будут портить ей день рождения.

Она углублялась в лес, разглядывая красивые цветы и подсвеченные солнцем паутины, которые

висели над головой. Машенька то и дело оборачивалась: видно ли еще полянку? Слышны ли голоса? Может, ее уже начали искать? Машенька представила, как папа с мамой бегают по лесу и зовут ее, кричат испуганно — да так, что слышно даже в городе. От этой картины сразу сделалось веселее.

Но когда солнце свалилось за горизонт, веселье прошло. Темнота рухнула на лес в один миг — будто на небе лампочка перегорела. Усилился ветер, раскачивая верхушки деревьев. Похолодало. Машенька решила, что пора возвращаться. Мириться с родителями и ехать домой, где ждала теплая кровать с любимым плюшевым медведем.

Не без труда, но полянку она отыскала, вот только сейчас там никого не было. Ни мамы с папой, ни гостей, ни машин. Лишь мусор, оставшийся после праздничного застолья. Машенька побежала по следам колес в траве, но быстро потеряла их в сгустившемся мраке. Лес не хотел выпускать жертву.

— Мам?..— едва слышно позвала Машенька и испугалась собственного голоса. Вдалеке захлопали крылья, кто-то зашуршал в кустах. Стали оживать тени.

Машенька прижалась спиной к березе, тревожно озираясь вокруг и прислушиваясь к каждому шороху. Не веря, что ее могли тут забыть.

— Мам? Пап?..

По щекам катились слезы. Машенька хотела докричаться до родителей, попросить прощения, но боялась привлечь тех, кто проснулся в чаще, кто ходил вокруг, пробирался сквозь деревья, ломая ветки.

Дрожа всем телом, обняв себя за плечи, она сползла по стволу березы и замерла в холодной траве. С неба на нее глядели тысячи звезд и один уродливый лунный глаз. Ветер трепал рыжие косички и

непослушную челку, продувал до костей. Лес шумел и присматривался к новой обитательнице.

Машенька тихонько плакала и вспоминала страшные сказки, в которых родители отводили своих детей в лес и оставляли там умирать. Но ведь ее папа и мама не могли так поступить. Да, они часто ее ругали, наказывали, но никогда бы не бросили. Получается, просто забыли? А когда приедут домой и обнаружат пропажу, сразу вернутся?..

Но время шло, а за ней никто не возвращался. Машенька не знала, сколько уже сидит под деревом — час, два или сто миллионов лет. Холод и страх парализовали ее, силы кончились вместе со слезами. Она больше не могла шевелиться, не могла отбиваться от поедающих ее мошек, от пьющих кровь комаров. Сердце стучало все тише и тише. Машенька умирала.

Засыпая, проваливаясь во мрак, она увидела падающую звезду и загадала желание. Мама говорила, что такое желание обязательно сбудется, это настоящее волшебство. И Машенька пожелала стать большой — хотя бы на один денечек.

Настолько большой, чтобы ее точно заметили и никогда не позабыли.

Промышленным альпинизмом Карим занимался второй год. Работы хватало, но больше всего он любил мыть окна в новом деловом комплексе. Точнее, он любил не сам процесс, а возможность подглядывать за людьми. В высоченном здании было несколько жилых этажей, где квартиры скупили городские богатеи — в том числе и богатеи с молодыми любовницами.

Квартиру на двадцать первом этаже Карим особенно ценил за панорамные окна в ванной. Не раз и не два он сквозь стекло любовался рыжеволосой красавицей в душе, которая принципиально не закрывала жалюзи. Однажды Карим сделал пару фотографий на телефон и хранил их как настоящее сокровище, пересматривая перед сном и никому не показывая. Безымянная девушка наверняка его видела, просто не могла не видеть. А раз Карима до сих пор не уволили, она не имела ничего против его визитов. Эта мысль согревала даже в те дни, когда в душе вместе с девушкой оказывался хозяин квартиры — местный депутат, похожий на перекормленного борова.

На этот раз она была в спальне — дремала в лучах рассветного солнца. Копна огненных волос рассыпалась по подушке, скомканное у края постели одеяло не мешало разглядеть стройную фигуру в майке и трусиках.

— Доброе утро, красавица моя,— сказал Карим, приложив ладонь к стеклу. Странно, но оно вибрировало.

С крыши посыпался мелкий мусор, задрожал трос. Вдалеке протяжно громыхнуло, будто начиналась гроза. Заверещали автосигнализации.

Когда по всему зданию зазвенели стекла, рыжая красавица проснулась. Не стесняясь, она подошла прямо к окну. Карим улыбнулся ей, но быстро понял, что девушка смотрит сквозь него — на просыпающийся город. И на что-то еще.

Он развернулся на тротуаре и не поверил глазам. По городу шагало нечто, напоминающее уродливую детскую поделку,— словно кто-то не смог решить, какую лесную зверушку слепить, и нахватал от каждой понемногу. Гигант шел вперед, а вместе с ним приходили звуки: собачий лай, гудки машин, крики.

Карим машинально достал телефон и начал снимать. С верхотуры открывался отличный вид и на чудовище, и на оставленные им разрушения, и на охваченный паникой людской муравейник.

Когда монстр оказался рядом, телефон Карима предательски стрельнул солнечным зайчиком. Голова ящерицы повернулась к висящему на уровне двадцать первого этажа человеку, а в следующий миг того вмяло в здание могучей лапой.

Карима протащило через окно, стены, холл и шахту лифта, через весь этаж, через квартиры и людей, через чужие жизни, за которыми он так любил наблюдать. Умирая в обломках здания, Карим радовался лишь тому, что рыжеволосая красавица была рядом. Они стали единым целым, одной грудой переломанных костей. И теперь даже спасатели не смогут их разлучить.

«Впусти нас, Машенька».

Она практически не чувствовала собственного тела, зато слышала голоса внутри головы и хорошо видела все, что происходит вокруг. Даже то, как к ней подбираются маленькие тени.

— Вы — лесные жители? — прошептала Машенька. Она больше не боялась. Скорее, ей было любопытно.

«Да. Впусти нас. Нам очень холодно».

Из маленьких теней вырастали узнаваемые силуэты. Их было много, они приходили из чащи и собирались возле Машеньки.

— Я же скоро умру. И буду совсем-совсем холодной.

«Нет. Если сможешь нам, мы поможем тебе. Так делают настоящие друзья. Впусти нас в себя, Машенька».